

послужить призывомъ къ „самоусовершенствованію“ (и то лишь въ условномъ, ограниченномъ смыслѣ) только для стариковъ-теоретиковъ, подобныхъ ея творцу,—а люди жизни и дѣла, сыны крови и плоти, всегда будутъ выводить изъ нея оправданіе кроваваго анархизма, того террора и революціи которыми теперь такъ возмущается Л. Н. Толстой.

И онъ былъ бы достойно наказанъ, еслибы ясно и искренно созналъ причинную связь между своимъ проповѣдничествомъ и ужасами происходящаго. Но—маленький близорукій философъ—онъ и теперь не хочетъ раскаяться, сознаться, въ своеемъ заблужденіи и ошибкахъ.

Вместо этого, онъ ограничивается заявлениемъ, что „лучше отдѣлиться отъ людей, но не принять ничего лишняго, чѣмъ остаться съ людьми и принять лишнее“.

Но его голосъ уже не имѣеть своего прежняго значенія. Какъ человѣкъ, до конца выполнившій свою роль въ дѣлѣ разрушенія, какъ „выжатый лимонъ“, онъ не нуженъ болѣе „освободителямъ“.

Одни, рады его прежнихъ заслугъ, обращаясь съ нимъ болѣе вѣжливо, только заявляютъ что—„Человѣчество, и особенно русская часть его, много выиграло бы въ томъ случаѣ, еслибы графъ Толстой воздержался отъ поясненія своихъ принциповъ частными примѣрами. Пока онъ ограничивается общими положеніями“